

TOMAC
KAPPIK

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ ДРУГИЕ КНИГИ ТОМАСА ХАРРИСА:

Серия о Ганнибале Лектере:

Красный дракон

Молчание ягнят

Ганнибал

Восхождение Ганнибала

Отдельные романы:

Черное воскресенье

Нари Мора

ТОМАС
ХАРРИС

КАРИ
МОРА

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х21

Thomas Harris
CARI MORA

Copyright © 2019 by Thomas Harris. This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, New York, USA. All rights reserved

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете Design by Tal Goretsky

Харрис, Томас.

X21 Кари Мора / Томас Харрис ; [пер. с англ. А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104461-9

Роман, который Томас Харрис писал последние 13 лет, скрываясь от людей в своем роскошном особняке и не издав за это время ни строчки.

История противостояния хитрого и извращенного убийцы — и красивой, но очень опасной женщины. История зла, жадности и темной одержимости.

Два мира, две судьбы... Он — коварный и безжалостный убийца, торговец живым товаром. Она — беженка из охваченной гражданской войной страны. Он — богатый подпольный делец, никогда не упускающий своей выгоды. Она — бедная смотрительница пустующего особняка на побережье Майами-Бич, заботящаяся о своей тяжело больной тете. Он не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей корыстной цели. Она не остановится ни перед чем, чтобы сохранить жизнь и спокойствие себе и своим близким. Он умеет убивать. Она умеет убивать. Они не искали встречи друг с другом — но теперь их интересы пересеклись, и в живых останется сильнейший...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104461-9

*Посвящается
Элизабет Пейс Барнс,
моему неиссякаемому
источнику любви
и жизненной мудрости*

ГЛАВА 1

Посреди ночи переговариваются двое. Между ними — ровно одна тысяча сорок миль. У каждого полголова подсвечено мобильником. Две призрачные половинки лиц общаются во тьме.

— Я могу попасть в дом, где, ты говоришь, это лежит. Выкладывай остальное.

Ответ едва слышен сквозь потрескивание помех.

— Ты пока заплатил всего четверть от обещанного. *Пф-пф*. Отправляй остальные деньги. Давай отправляй. *Пф-пф*.

— Хесус, если теперь я найду то, что мне надо, без твоей помощи, ты вообще больше ни хрена от меня не получишь.

— Вот тут-то ты прав! Просто не представляешь, как прав. *Пф-пф*. То, что тебе надо, лежит на пятнадцати кило «Семтекса»... если ты найдешь это без моей помощи, то просто на Луну улетишь. И тебя там по ней размажет.

— У меня длинные руки, Хесус¹.

— С Луны не дотянешься, Ганс-Педро.

¹ Хесус — испанский вариант имени Иисус. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Меня зовут Ганс-Петер, как тебе известно.

— Меня не интересуют твои паспортные данные. Руки, говоришь, длинные? Тогда до своей кубышки точно дотянешься. Хватит уже время тянуть. Отправляй бабло.

Соединение обрывается. Оба лежат, уставившись во тьму.

Ганс-Петер Шнайдер — на койке своего длинного черного катера неподалеку от Ки-Ларго. Он прислушивается к женским всхлипам из треугольной носовой каюты. Передразнивает их. Он вообще в этом деле мастер. С его губ срывается голос собственной матери, зовущий девушку по имени.

— Карла? Карла? Почему ты плачешь, детка? Это всего лишь сон!

На миг, отчаявшаяся от страха и темноты, она обманута, но тут же раздражается еще более горькими слезами.

Женский плач — лучшая музыка для Ганса-Петера; послушав его, он успокаивается и опять засыпает.

* * *

В Барранкилье, Колумбия, Хесуса Вильярреала немного успокаивает только тихое шипение респиратора. Он вдыхает кислород из маски. В темноте ему слышно, как пациент из общей палаты за стенкой зывает к Богу, кричит: «Господи Иисусе!»

Хесус Вильярреал шепчет во тьму:

— Хотелось бы мне, чтобы Бог слышал тебя сейчас не хуже, чем я. Но лично я в этом сильно сомневаюсь.

Вызывает справочную со своего одноразового мобильного, получает номер школы танцев в Барранкилье. Стягивает кислородную маску вбок, чтобы поговорить.

— Нет, уроки танцев меня не интересуют, — произносит он в трубку. — Мне сейчас вообще как-то не до танцев... Я хочу поговорить с доном Эрнесто. Да ладно, прекрасно вы его знаете! Просто передайте ему, как меня зовут, он поймет. *Пф-пф.*

ГЛАВА 2

Под журчание воды вдоль длинного черного корпуса катер Ганса-Петера Шнайдера медленно скользил мимо огромного домина на берегу залива Бискейн¹.

Ганс-Петер не сводил бинокля с девушки, которая, в пижамных штанах и майке, потягивалась на террасе в раннем утреннем свете. Звали девушку Кари Мора, возраст — двадцать пять лет.

— Моя богиня! — проговорил он, оскалась и обнажая по-собачьи длинные зубы с серебряным покрытием.

Ганс-Петер высок, бледен и совершенно лишен волос. Даже ресниц — и тех нет, поэтому веки оставляли на линзах бинокля жирные следы. Он протер окуляры льняным платком.

Рядом с ним переминался агент по недвижимости, Феликс.

¹ Это, по сути, скорее довольно узкая (не более 15 км) прибрежная лагуна, в северной своей части разделяющая длинную косу, на которой расположен Майами-Бич, и собственно город Майами. А вот упоминающийся далее Северный Майами-Бич, несмотря на название, находится еще глубже на материке, к западу от города.

— Да, это она. Кто за домом присматривает, — сказал тот. — Знает его до последнего закоулка, лучше любого другого, так что вполне можно ее использовать. Вызнай у нее все, что надо, и я по-быстрому ее оттуда солью. Пока она не увидела то, что ей видеть не полагается. Чтобы зря время не тратить.

— Время, — проговорил Ганс-Петер. — Время. Сколько еще действует текущий договор аренды?

— Еще две недели. Он на одного мужика, который снимает рекламные ролики.

— Феликс, мне нужны ключи от этого дома. — Ганс-Петер говорит по-английски с ощутимым немецким акцентом. — Причем прямо сегодня.

— Ну да: ты влезешь туда, что-нибудь произойдет, и все сразу поймут, что это я тебе ключи дал! И все шишки на меня! — Феликс расхохотался, но собеседник его не поддержал. — Слушай, я сегодня же схожу к арендатору, попрошу его закруглиться. Лучше тебе прийти туда днем, с людьми, спокойно все обсудишь. Сам знаешь, что это за домик. Просто жуть берет. Я уже четырех сторожей поменял, пока эту телку не нашел. Остальным, видите ли, страшно.

— Хорошо, Феликс, дуй к съемщику. Предложи ему денег. В пределах десяти тысяч. Но ключи давай прямо сейчас, иначе в пять секунд окажешься за бортом.

— Если ты с этой сучкой что-нибудь сделаешь, она тебе не помощник, — сказал Феликс. — Ночью она всегда там. Страховая требует — по пожарной безопасности. Днем иногда в других местах подрабаты-

вает. Подожди немного, лучше в дневное время заглянешь, когда ее не будет.

— Я просто хочу осмотреться. Она и не просечет, что я в доме.

Ганс-Петер еще раз изучил Кари сквозь стекла бинокля. Она как раз приподнялась на цыпочки, чтобы наполнить птичью кормушку. Да уж, такими телками тоже разбрасываться не стоит... Очень интересные шрамы — знающие люди хороших денег дадут. Пожалуй, всю сотню тысяч можно заработать. Это будет, так-так... тридцать пять миллионов четыреста тридцать три тысячи сто восемьдесят четыре мавританские угии. Есть в Нуакшоте один клубешник — «Грот Акрота», они как раз на всяких уродствах специализируются... И это только когда все руки-ноги на месте и без татуировок. Если не гнать и доработать ее под требования клиента — какого-нибудь любителя ампутантов, — то, пожалуй, и побольше выйдет. Тысяч сто пятьдесят. Впрочем, кошкины слезки. В этом доме золота на двадцать пять — тридцать миллионов долларов припрятано.

Укрывшаяся на деревце плюмерии по соседству с террасой птичка запела песенку, которую выучила в Колумбии и принесла с собой на север в Майами-Бич.

Кари Мора сразу узнала характерный голосок странствующего дрозда, обитающего в двух тысячах миль отсюда. Пела птичка хрипловато, но с большим энтузиазмом. Улыбнувшись, Кари прервала свое занятие, чтобы еще раз послушать хорошо знакомую с

детства песенку. Присвистнула птичке. Та свистнула в ответ. Кари пошла обратно к дому.

На катере тем временем Ганс-Петер протягивал руку за ключами. Феликс положил их ему на ладонь, стараясь не касаться ее пальцами.

— Двери на сигнализации, — предупредил он. — Но на двери солярия сигналка вырубилась, ждем запчасти. Это та дверь, которая с южной стороны дома. У тебя есть отмычки? Ради всего святого, поцарапай как следует вокруг скважины перед тем, как открывать ключом, и подбрось отмычку на крыльцо — на случай если что-то вдруг все-таки пойдет наперекосяк.

— Только ради тебя, Феликс.

— Не слишком-то удачная мысль, — вздохнул тот. — Если чего-нибудь с ней сделаешь — так ничего и не узнаешь.

* * *

Подойдя к своей машине, оставленной на парковке яхтенной гавани, Феликс вытащил из-под коврика в багажнике одноразовый мобильник, припрятанный рядом с домкратом и инструментами. Набрал номер школы танцев в Барранкилье, Колумбия.

— Нет, сеньор, — прошептал он в трубку, хотя вокруг не было ни души. — Я протабанил его с арендным договором, сколько смог. У него для таких вещей собственный адвокат, и он меня в итоге раскусит. И дом получит. Вот и всё. Нет, он знает не больше нашего... Да, у меня уже есть депозит. Спасибо, сеньор, я вас не подведу.

ГЛАВА 3

В дневное время Кари действительно не сидела без дела. И больше всего ей нравилось работать на Станции морских птиц, расположенной на Пеликан-харбор, где ветврачи при помощи волонтеров ухаживали за попавшими в беду птицами и морскими животными. Там на Кари лежала обязанность поддерживать порядок в помещении медпункта и в конце рабочего дня стерилизовать инструменты. Кроме того, иногда на пару с двоюродной сестрой доводилось готовить и подавать закуски на борту большого экскурсионного катера, принадлежащего станции.

Кари всегда приходила пораньше, чтобы можно было самой поработать с животными и птицами. На станции ей выдали полную униформу медсестры, и она с удовольствием ее надевала — еще один повод почувствовать себя настоящим медиком.

Ветеринары давно поняли, что на Кари можно целиком и полностью положиться — с птицами она обращалась ловко, осторожно и бережно. Вот и сегодня, под наблюдением доктора Бланко, Кари зашивала кожистый мешок под клювом белого пеликана, порванный рыболовным крючком. Работа эта тонкая

и кропотливая — шить требовалось аккуратно, слой за слоем, пока птица дремала под газовой анестезией.

Увлеченно работая иглой, Кари чувствовала полное умиротворение. Не то что в детстве, когда прямо на поле боя приходилось наспех делать крупные «матрасные» стежки, накладывать импровизированные жгуты или затыкать сквозные раны грудной клетки первой попавшейся тряпкой, а то и просто рукой, разрывая зубами индивидуальный перевязочный пакет.

В конце дня все еще сонного пеликана отправили в вольер для выздоравливающих, а доктор Бланко и все остальные разошлись по домам.

Кари вытащила из морозильника «органическую» крысу (никакой химии, поставляющий корм питомник это гарантировал) — пусть оттаает, — освежила воду в поилках вольеров и клеток и принялась надраивать операционную.

Когда там воцарился образцовый порядок, а все инструменты были простерилизованы, она открыла бутылку тамариндовой колы и, прихватив размороженную крысу, направилась к затянутым стальной сеткой вольерам.

В одном из них, высоко на жердочке в дальнем углу, восседала большая ушастая сова. Кари просушила крысиную тушку сквозь крупную ячейку сетки в узенький ящичек кормушки, прикрыла глаза и постаралась услышать приближение совы, прежде чем щеки опухнут от ее огромных крыльев. Большая птица никогда не садилась — сразу хватала угощение одной из когтистых лап и моментально взмывала об-